

A detailed illustration of a medieval battle scene. In the foreground, a group of knights on horseback, wearing chainmail and helmets, are charging towards a town. The lead knight is on a dark brown horse and has his right arm raised, holding a long spear. Behind him, other knights on various colored horses (brown, grey, white) are also on the attack, some holding spears and others swords. The town below is depicted with wooden buildings and a stone wall. The scene is set against a backdrop of bare trees and a hazy sky. The overall style is that of a classic historical illustration.

Александр Манин

**МЕСТО
МЕСТО
ВОГУЛОВ**

Александр Манин

Месть вогулов

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Манин А. А.

Месть вогулов / А. А. Манин — «Э.РА», 2015

15 век, далёкая окраина великого царства Московского. Маленькая лесная застава с трудом удерживает бешеный натиск диких вогульских племён. В редкий момент перемирия русский царь посылает в крепость отряд с особой миссией, но бывалые воины неожиданно погибают в тайге при загадочных обстоятельствах. Командир гарнизона, князь Михаил, начинает собственное расследование, стремясь отвести подозрение в убийстве царских людей. Перед ним стоит непростая задача: спасти от государева гнева подвластный ему город, сохранить хрупкое перемирие с могучими варварами и остановить таинственную силу, пробуждающуюся в глубине таёжных лесов...

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

© Манин А. А., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Манин

Месть вогулов

Глава I

Сумерки медленно спускались на густой таёжный лес. Горстка ратников с угрюмыми лицами не спеша двигалась по узкой, едва заметной тропке, то и дело огибающей вековые деревья и буреломы. Под ногами их хлюпала болотистая почва, густо покрытая где белым, где синеватым мхом. Меж деревьев часто попадались высокие муравейники. Воздух был наполнен звенящей мошкаррой, тучами налетавшей на несчастных путников. Во главе отряда шёл немолодой статный мужчина с лицом, покрытым шрамами и морщинами. На теле его звенела тяжёлая кольчуга, голову закрывал стальной островерхий шлем. В облике опытного воителя чувствовалась властность, привычка повелевать чем-то большим, чем десяток уставших, замученных ратников. Так оно и было: бывший сотник Артемий Кожедуб успел немало повоевать во славу царя Ивана, которого так боялись и по-своему уважали русские люди...

Правда, страх этот был вызван, увы, не ратными подвигами государя. Суров был царь со своими подданными, видел крамолу везде, где она есть. Да и где нет – видел тоже. Так вышло со старшим братом Артемия. Сболтнул лишнего, сидя в царском кабаке. Мол, народ мельчает, гибнет Русь-матушка, одни бояре как сыр в масле катаются. Услышали пьяные речи недобрые люди, тут же написали на него донос. Дальше – допрос, пытки и кровавая расправа. Самому сотнику ещё повезло – лишили чина да отослали с особым приказом, подальше от Москвы. И слава Богу, думал Артемий. Останься он в столице, непременно лишился бы головы.

Чай, недругов при дворе осталось немало. Многим не по душе был грубоватый, но прямой и честный вояка, не боявшийся ни бога, ни чёрта, ни льстивых царедворцев. Не боялся Артемий и нынешнего своего начальника – крикливого боярина, которого ему велено было сопроводить до града Чердыни, затерянного в далёких северных лесах.

Боярин Иван Колесников едва перебирал ногами, путаясь в полах тяжёлой меховой шубы. Он проклинал всё на свете: дремучий лес, тяжёлую дорогу, тучами налетающий гнус, мрачных ратников, идущих рядом с ним... Пуще всего – чёртову лодку, налетевшую на камень и пробившую днище. Плыл бы сейчас по реке и горя не знал! А втихомолку, про себя ругал ещё и самого государя, с его неожиданным заданием. Дался же царю князь Михаил с этой Чердынью! Всё ведь спокойно, ясак всегда посылает в срок, солдат, денег – не просит. Хотя непонятно, как вообще выживает в этой глуши с малой дружиной. Мудрено уцелеть в окружении грозных вогулов¹, способных неожиданно выскочить из тёмной чащи и в считанные минуты оставить от укрепленного городища один пепел.

Наслышан был боярин этих историй. Про то, как внезапно тишину леса нарушает дикий вой вогульских стрел, несколько мгновений – и часовые уже лежат, обливаясь кровью. Не успели защитники одеть кольчуги, вогулы уже везде, быстрые и ловкие как рыси, с рёвом и визгом налетающие на ошалевших воинов.

Расстреливают в упор из луков, разят копьями, обезоруженные зубами вцепляются в противника, убивая даже ценой своей жизни. Не шадят никого, оставляют лишь мёртвое пепелище. Дивиться тут нечему, для лесных воинов русские – убийцы, захватчики, с которыми нельзя договориться. Оно и верно, пытаясь откупиться, вогулы показали невиданные богатства – дорогие меха, так ценимые как при дворе, так и за границей. И теперь ничто уже русских не остановит, будут приходить снова и снова, пока не выжмут всё из лесного народа. „Ну да

¹ Вогулы – устаревшее название народа манси.

пусть их, хоть бы вовсе сгинули, звери лесные!“ – думал боярин. Своя участь беспокоила его куда больше.

А беспокоиться было о чём. Что это за задание такое? Отвезти князю Михаилу царские грамоты и награду за верную службу. А негласно узнать, как живёт князь, в каких отношениях с местным народцем. Не ворует ли чрезмерно? Не утаивает ли ясак? Усерден ли в распространении веры православной? Не думает ли накопить сил да отпасть от Москвы, предать государя? Вроде и ясно всё, и дело важное. А всё же, что это за поручение? Честь или опала для него, Ивана?

Скорее – опала, думал боярин. Ведь прочие слуги государевы остались шутить да пировать за царским столом, а он стаптывает сапоги в этих богом забытых лесах... При мысли о Москве, о доме, боярин скривился, как от зубной боли. Вернётся, надо любой ценой выслушаться, вернуть расположение государя, а иначе и жить незачем. Ох, посмотрит он житьё-бытьё Михаила-князя. Непременно найдёт, в чём тот царю изменяет. А не найдёт – придумает. Напишет донос, расскажет во всех подробностях. Вот тогда, глядишь и пожалует его царь-батюшка, золотишка подарит, сёла с тихим, работающим народом. Да и в лес, глядишь, других вместо него посылать будет... О том, что станет при этом с князем Михаилом, боярин не думал.

– Скоро уже привал, служивые? – В который раз заорал Иван, заставив ратников вздрогнуть – всех, кроме сотника.

– Погоди, боярин, скоро уже – отвечал тот. – Дай полянку найти, не в кустах же ночевать.

– У, чтоб вас черти забрали, окаянные! – прорычал боярин, направляясь дальше.

Сотник сплюнул, сдержав на языке злой ответ. „Погоди“ – думал он. „Дойдём до Чердыни, а там уйду, поминай как звали. Ну вас к бесу с вашим царём! Поселюсь в любой деревеньке, хату поставлю. Слава богу, денег скопил малость за годы службы, прожить хватит. Девку себе найду, детишки будут...“ Губы сами расплылись в улыбке от этих мыслей. Тихо встретить старость среди любимой семьи да добрых людей – что ещё надо? Без дураков-бояр, без начальства, без страха перед царём-самодуром. Потерпеть всего ничего. Завтра, глядишь, уже в Чердыни будут. Да, правда – пора на привал, не в темноте же ковылять. А то можно и на шальных вогулов нарваться – никогда не знаешь, что у них на уме. Увидят вооружённых ратников в темнот, расстреляют с перепугу. И прощай, мечта о вольной жизни...

Небо затянуло тёмными тучами. Вдалеке сверкнула первая молния – начиналась гроза. Внезапно тонкий слух сотника уловил странный звук. Сперва он был похож на далёкие раскаты грома, но не прекращался, был ритмичным. Вскоре его услышали и остальные, стали тревожно переглядываться. Бывалые воины быстро поняли, что звук похож на топот конских копыт, в голове у многих промелькнули образы татарской конницы... Но откуда ей взяться в глухом лесу? По этим буреломам пешие едва могли пробраться, а у конных не было шансов. К тому же, сотник заметил, что топот слышится как будто с неба, где уж точно коням неоткуда было взяться. Что за странный морок?! Звук вскоре оборвался так же внезапно, как появился. Ратники продолжали путь, тревожно оглядываясь. Каждому приходили в голову страшные мысли о колдунах, леших, дивах и прочей нечисти, которая по слухам населяла здешние леса. Не по себе было людям в далёкой от родных мест северной тайге. Густая тёмная чаща, тучи комаров, странные звуки дикой природы – всё было непривычным и пугающим. Уханье филина нередко заставляло их вздрагивать и замирать на месте. Виданное ли дело, то слышалось, будто собака лает, то плачь ребёнка. А то и дикий хохот заставлял испуганных мужиков хвататься за нателёные кресты. А крики дятла? Знакомое постукивание то и дело сменялось душераздирающим воплем, от которого прошибал холодный пот и рука сама собой тянулась к оружию.

Наконец совсем стемнело. Сотник начинал нервничать, не видя места, подходящего для ночлега. Боярину, когда он вздумал опять ругаться, он прорычал сквозь зубы такое, что тот испуганно замолчал. Когда же тот, отойдя от испуга, решил заорать и поставить на место своего вояку, прямо над головами у них раздался знакомый топот, причём такой силы, что

все присели от ужаса. Воины выхватили мечи. Топот удалялся в ту же сторону, куда двигался отряд. Сотник повернул своё бледное лицо и промолвил:

– Кажись, беда, Иван...

Боярин молча сглотнул и придвинулся ближе к ратникам. Те стояли спиной к спине, образовав круг, в середине которого и дрожал в ужасе царский посланник. Его властное, одутловатое лицо было совершенно белым, толстые губы тряслись. Глаза воинов скользили по окружающим кустам, выглядывая врага, но звуки снова стихли. Только листья деревьев тревожно шелестели от поднявшегося ветра. Простояв так несколько минут, сотник подал сигнал к привалу. Встали прямо на тропе, вырубив ближайшие кусты, дабы неведомый враг не подкрался неожиданно. В тишине развели костёр, но готовить еду никому не пришло в голову. Перекусили хлебом и солониной, запив водой из ближайшего ручья. Под строгим взглядом Артемия к вину никто не притронулся. Час спустя все спали, кроме троих, оставшихся на страже. Это был сам Кожедуб и двое опытных солдат – Фома и Илья, которые служили с ним уже не первый год.

Сначала все сидели молча, погружённые в свои думы. После, чтобы не заснуть, завели негромкий разговор.

– Что ж это было-то, братцы? – первым не выдержал Фома. – Никак, кони скакали?

– Совсем с ума спятил, дурень? – поморщился Артемий. – Откуда в такой чаще кони? Им тут и шагу не ступить. – Гром гремел, вот и всё.

– Не похоже на гром, неужто я грома не слышал. – сказал Илья. – Никак, нечисть какая. Мне всякое бабка рассказывала...

– Уж волос седой, а всё бабкиным сказкам веришь. – усмехнулся сотник.

– А что бабка-то говорила? – спросил Фома.

– Да разное. Про навий рассказывала. Мол, если не похоронят человека как следует, превращается он в нечисть лесную. И летает та нечисть по лесу, людей добрых пугает. А кто зазеваётся, того и вовсе к Ящеру может утащить, в царство мёртвых. Как, говорит, увидишь поутру крупные птичьи следы на дереве, ночью избу запирай накрепко да иконы доставай, иначе не миновать беды.

– А я другое слышал. – сказал Фома. – Про оборотней лесных. Есть, мол, люди такие, которые в лесу живут. Могут быть людьми, а могут и в зверьё всякое оборачиваться – в волка или медведя. И как забредёшь в их места, не бывать тебе живу. Сколько народу из нашей деревни в лесу пропало, и косточек не нашли.

– Сказки это всё. – сказал Кожедуб. – Крест животворный любую нечисть прогонит. Вот кого опасаться надо – так это вогулов здешних. Не любят, когда русский человек случайно их жильё найдёт, мигом могут из луков расстрелять. Тут они мастера.

Али того хуже – сердце вырежут, бесам своим, истуканам в жертву принесут. И здесь человека замучают, и в ад на вечные страдания отправят. Слышал я, как старые воины шайтанов их проклятых находили. Губы у тех перемазаны кровью, кругом куски мяса лежат, не поймёшь, то ли звериного, то ли человеческого.

– Упаси нас Бог от такого. – Ратники, побледнев, истово перекрестились. Долго сидели молча. Наконец, Илья не выдержал, сказал:

– А ведь мне дед тоже об этакой страсти рассказывал... Когда молодой ещё был, ходил в здешние земли с разведкой. Видел, говорит, лесного дьявола, коему дикари жертвы приносят.

– Ну и что ж они такое видели? – с интересом спросил Артемий.

– Идут, говорит, втроём по лесу. Вдруг видят – стоит древний амбарчик на двух столбах, на крыше олени рога красуются. Подивились, конечно, что за невидаль? Нашли полено покрепче, залезли, заглянули внутрь. Смотрят – сидит в темноте, как человек, кукла в мехах, шарфах, опоясках, с тремя островерхими шапками на голове. Шапки из цветного сукна – красного, синего. На стенах, куда ни глянь, тоже меха и ткани висят, да такие старые, что тронь, сразу рассыплется. Лицо у шайтана деревянное, страшное, покрытое вырезанными мор-

щинами. Нос громадный. Глаза выпученные, смотрят на них, как живые. Заробели мужики, конечно. А перед идолом, мать честная, богатства то! Меха дорогие, бобры, соболя, лисицы чёрнобурые. Чаши серебряные с искусной резьбой, неведомо кем сделанные. Монеты дивные, тех народов, коих и на свете уже нет. А меж ними следы угощения: протухлые куски мяса, засохшая кровь в чашах. Идол-то проклятый зыркает своими глазищами из темноты, страшно – жуть. Как будто человек, насмерть замёрзший и заоченевший. Губы, лицо кровью измазаны. Попятились мужики, да и бежать оттуда. Даже богатства взять не подумали – такого страху на них шайтан нагнал. Так-то вот. – закончил Илья, вздрагивая от представленного зрелища. Даже бывалому сотнику стало не по себе после такого рассказа. Рука его, против воли, коснулась рукояти меча.

Наступила глубокая ночь. Воины сидели в полудрёме, спиной повернувшись к костру, дабы пламя не ослепляло. Лишь Артемий тревожно оглядывался – чутьё бывалого бойца говорило, что опасность не минула, а только затаилась на время. Ветер шумел в кронах деревьев, луны не было видно из-за затянувших небо облаков. Беспокойство его нарастало, рука легла на рукоять меча. В голове пронеслись странные слова-мысли:

– Охота... Уже скоро... Смерть... Смерть!!!

Страхнув наваждение, Артемий вскочил, выхватил меч и резким криком поднял тревогу. Бывалые воины вскочили и заученно заняли круговую оборону. Боярин тоже подпрыгнул, едва не угодив в костёр и в ужасе начал озираться по сторонам, потирая сонные глаза. Грохот конских подков на этот раз слышался уже в лесу, рядом с ними, среди деревьев. В отблесках костра промелькнули странные фигуры. Иван услышал крики, лязг железа и рычащий боевой клич на неведомом языке. Нервы окончательно сдали и он бросился сломя голову прочь – подальше от места, где металась тень и слышался душераздирающий вопль.

Боярин нёсся через густую чащу, не разбирая дороги. Сучья деревьев царапали его до крови, одежда превратилась в лохмотья, но это всё было не важно. Бежать, бежать, спастись любой ценой от лесного ужаса! Наконец, запнувшись об корень дерева он упал и не смог встать – боль в ноге была ужасной. Боярин замер и начал оглядываться. Криков больше не было слышно. Луна вышла из облаков и он увидел, что лежит возле лесной поляны. Было тихо, даже ветра в ветвях уже не слышалось. Спасён... Кажется, спасён.

Тут он оглянулся и увидел такое, от чего волосы встали дыбом. Из леса выходила толпа мертвецов. Все они были на конях и в старинных латах, каких не носили даже деды. Мечи и булавы тускло сияли в их руках. Мёртвые глазницы черепов смотрели на него неотрывно. Они медленно приближались... Шагающий впереди скелет на огромном коне направил на боярина костлявую руку и что-то проревел на странном языке. Иван из последних сил пополз, не зная куда – разум уже покинул его тело. Последнее, что он почувствовал, был сильнейший удар, после которого всё померкло. Но и это был ещё не конец...

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем помутнённое сознание вернулось к Ивану. Он больше не чувствовал боли, но это было неважно. Всё было неважно, кроме громового голоса, который произнёс:

На коня... Вперёд... Охота... Смерть... Смерть

Глава II

Килим, затаившись, вслушивался в звуки осеннего леса. Разноголосое пение птиц, стук дятла, скрип качающихся деревьев создавали особую атмосферу северного мира, родного для диких вогулов. Тайга всегда наполнена жизнью, которую может заметить только тот, кто родился и провёл в ней долгие годы. Таким и был молодой парнишка-вогул, недавно встретивший своё четырнадцатое лето. Он был невысок ростом, в тёмных, немного раскосых глазах читался живой ум и горячее любопытство. Смуглая кожа и длинные чёрные волосы разительно отличали его от русских подростков. Губы, казалось, в любой момент готовы были растянуться в искренней улыбке. Улыбался парнишка почти всегда, такой уж был у него нрав.

Несмотря на молодость, зоркие глаза и цепкая память сделали его отличным охотником. Даже мудрые старики, любители поворчать о мельчающей молодёжи, удивлённо качали головой, когда Килим возвращался с охоты. Часто случалось приносить ему богатую добычу – пушного зверя, так ценимого русскими. А когда в прошлом году Килим в одиночку убил здорового медведя, неожиданно выскочившего из оврага и погнавшего за ним, угрюмые взрослые молча признали парнишку охотником, равным себе. Хотя вогул не гордился в тот раз своей добычей. Долго лил слёзы в лесной чаще, прося прощения у хозяина леса, убивать которого совсем не хотелось. Успокоил его тогда старый шаман Сотамын: „Раз хозяин сам на тебя пошёл, значит, хотел уйти из мира. Такова его воля была“. После этих слов лицо парня прояснилось, и Килим снова засобиравшись на охоту.

Вогул любил лес, считал его родным домом. Но сегодня в лесном воздухе висело что-то странное, недоброе... Ноздри охотника вздрагивали, чуя слабый запах догоревшего костра и свежeproлитой крови. А ещё того, чего не должно было быть – затхлого духа старой могилы, истлевшего тела. Бросалось в глаза и то, что чем ближе Килим подходил к источнику странного запаха, тем меньше становилось жизни вокруг. Не было слышно ни крика птиц, ни шороха вездесущего мелкого зверья. А ведь пролитая кровь должна была привлечь голодную живность. Во всём этом было что-то страшное, неправильное, такое, чего молодой охотник никогда раньше не встречал. Руки его коснулись оберегов, висевших на шее. Вогул мысленно призвал на помощь светлых духов, и подполз ближе – юношеское любопытство победило трепет перед неведомым. Однако увиденное на крошечной полянке повергло его в ужас, заставило затаиться.

Трупы воинов лежали вповалку возле потухшего костра. Все они были изрублены, шлемы многих расплющены чем-то тяжёлым. Судя по оружию, это были русские ратники. Кто мог сделать такое? Явно не его соплеменники: в телах убитых не было видно ни одной стрелы. Присмотревшись, Килим заметил, что павшие чем-то похожи и мгновение спустя понял чем. Волосы у всех были седыми, хотя они не казались стариками, наоборот, то были мужи в полной силе. Молодой вогул слышал о таком от бывалых охотников – если человек сильно испугается чего-то, может поседеть мгновенно. Что же за ужас увидели они в свой последний час? Ответа не было. Присмотревшись, Килим заметил след, уводящий прочь от полянки. Кто-то убежал сломя голову, его путь легко было проследить по смятой траве и поломанным веткам деревьев. Сам не зная зачем, вогул отправился по следу беглеца, и на ближайшей поляне увидел то, что преследовало его в снах до конца жизни. Тело человека в богатой одежде лежало навзничь, в луже засохшей крови. Точнее, там лежало только туловище, руки и ноги были разбросаны поодаль. Кто-то жестоко кромсал убитого перед смертью. Вогулы такого никогда бы не сделали. На месте головы мертвеца было страшное месиво, будто на неё уронили тяжёлый валун. Тонко взвизгнув, охотник понёсся прочь, так быстро, как никогда ещё в жизни не бегал. Быстрее, куда угодно, лишь бы не видеть следов жуткой бойни. Пробежав несколько сотен шагов, Килим собрался с мыслями. Бегать он мог без усталости, и думалось ему при этом всегда хорошо.

Что делать? К кому пойти? Домой, в родной пауль²? Нет, знал он, чем это закончится. Молодые посмеются, скажут, что Килим опять невесть что выдумал. Воделся за ним такой грешок. Любил парень сочинять страшные сказы и не раз удавалось всполошить ими всё селение. А взрослые, не долго думая, поколотят поленом и скажут чтоб делом занимался, а не сочинял невесть чего.

Поразмыслив, Килим отправился к единственному человеку, которому мог рассказать всё, что лежало на душе. Чердынский князь Михаил любил парнишку-вогула как родного сына. Никогда не гнал его от себя, всегда с улыбкой слушал страшные сказки о лесных духах, неведомых зверях, богах, спускавшихся с неба чтобы говорить с ним, Килимом. Любил расспрашивать о лесе, охоте, жизни вогулов. Князь, в отличие от большинства русских, не считал лесной народ глупыми, суеверными дикарями. Михаил вообще был очень необычным человеком, хотя никогда не задумывался об этом. Предки наделили его внешностью былинного богатыря: простое и честное лицо, голубые глаза, светлые волосы. Мощные мускулы, переплетающие тело, делали его похожим на бога или героя, но князь не был ни тем, не другим. Будучи опытным командиром и одним из лучших воинов, он не любил сражаться. Война всегда оставалась лишь тяжёлой необходимостью. В свои тридцать лет князь был хорошо образован, много читал об истории Руси и других народов. В глубине души он понимал, что дикие вогулы ничем не хуже его соотечественников. А в чём-то даже и лучше. Пусть они не строили больших городов, не создавали империй, зато жили по своей древней правде, чтити стариков, не позволяли безвинно обижать слабых. Лучшими людьми считали не самых богатых и именитых, а тех, кто был мудр, хранил знания предков. Кроме того, они жили в мире с природой, были её частью, понимали её и любили. Вогул никогда не убивал больше зверей, чем ему нужно для пропитания и одежды. А убив, просил прощения у духа животного, чтобы тот не гневался на него. Да, лесные воины много воевали с русскими, не раз брали на копье укрепленные городища. Но Михаил понимал, что виной тому сама политика его народа, вытесняющего лесных жителей с их древней земли. Вогулы не любили чужеземцев, считая их жадным, жестокими и лживыми людьми. Неудивительно, русскому пройдохе ничего не стоило обжулить при торге доверчивого лесного воина и скрыться, обобрав до нитки. Купцы нередко называли заоблачные цены на самые простые вещи: хлеб, одежду, оружие. Деваться вогулам было некуда: платили драгоценными соболями, добытыми тяжким трудом. То же было и при сборе ясака: царские люди всегда норовили занизить стоимость принесённых им мехов, искали невидимые изъяны, велели нести ещё. Сам Михаил таким не был. Он с уважением относился к древнему народу, стремился сглаживать неизбежные конфликты. Дань брал не больше той, что требовала Москва. Порою жестоко наказывал своих людей, чинивших обиду лесным жителям. Ярость охватывала благородного князя, когда те приходили к нему на двор, жалуясь на побои, а то и приводя с собой обесчещенных лесных красавиц. В такие моменты Михаил был страшен – мог казнить преступника, а то и сразить собственной рукой, не слушая оправданий. Это вызывало вспышки недовольства, а порой даже и доносы царю. Тогда государь присылал письма, наполненные матерной руганью, в которых требовал держать местный народишко в ежовых рукавицах, воли им не давать. Но дальше гневных писем дело пока не заходило. Всё таки в Москве ценили вовремя присланный ясак, а также и то, что больше 10 лет Чердынь стояла, не подвергаясь набегам. Тяжело было князю сглаживать противоречия между гневливым царём и гордыми вогулами, но он понимал важность своего дела. Знал Михаил, что если вместо него править Чердынью поставят какого-нибудь спесивого воеводу, быть тогда большой войне...

Небо над Чердынью было затянуто сплошными серыми тучами, моросил дождь. Жителей на улицах почти не было видно – все попрятались в тёплых бревенчатых избах. Узкие улочки были покрыты липкой осенней грязью, чавкающей под ногами редкого прохожего.

² Пауль (павыл) – поселение вогулов.

Лишь немногие, кутаясь от дождя, шли к высокой деревянной церкви, откуда доносились неторопливые удары колокола. Князь скрывался от непогоды в высокой сторожевой башне и задумчиво вглядывался в тёмные громады северных лесов. Мысли его текли плавно и неспешно, как сама жизнь в здешнем захолустье. Внезапно неподалёку раздался знакомый мальчишеский крик, который он что ни день слышал в своём городище. Михаил улыбнулся: „Опять Килим что-то выдумал. Вон как голосит, издалека слышно. Надо пойти встретить. А то как бы стражники не отстегали его по одному месту, чтобы не дурил“.

– Беда! Ой, беда, княже! – кричал Килим. – Такое сейчас видел!

– Тихо ты, оглашенный! Пошли в избу! Хватит народ полошить!

– Ой, княже, там...

– Тихо, говорю! Пошли ко мне, там и расскажешь.

Килим замолчал и, тяжело дыша, поспешил вслед за Михаилом. Княжеский дом стоял в самом центре городища. От прочих изб он отличался лишь размерами да искусной резьбой, украшавшей крыльцо и оконные ставни. Михаил не стремился к роскоши. Когда были деньги, тратил их на новые книги или воинское снаряжение. Народ дивился такой скромности. Почему князь не выстроит себе высокий терем? Не велит доставить из Москвы дорогого кафтана, расшитого серебром? Ведь не беден же... Но Михаил даже не задумывался о подобных вещах. Зачем ему красоваться? Чтобы народ больше уважал? Глупость какая! Пускай судят по делам, а не по одежке. Было бы у дружины доброе оружие, а ему и так хорошо.

– Ну, что, Климка? Опять шайтана видел? – спросил Михаил, усадив парня на лавку и налив ему квасу.

Килим долго пил, а потом выпалил:

– Нет! Честно видел! Мёртвых видел в лесу! Много!

– И что они, до самой Чердыни верхом за тобой гнались? – С улыбкой спросил князь.

– Не знаю... Я быстро бежал. Но ты мне верь, княже. Там правда мёртвые. Русские. И страшные такие...

На глазах у Килима выступили слёзы. Князь нахмурился. Каким бы выдумщиком не был парень, ясно, что он и впрямь напуган. Мёртвые русские... Как знать, может, опять ватага разбойников с Руси добралась. Как пошли слухи про здешние богатства, потянулся в леса лихой народ.

– Показать сможешь, где видел? – спросил князь.

– Смогу... Только страшно... Ты бери воинов побольше.

– Ладно. Разберёмся. Поешь хоть и отдохни. Опять небось весь день по лесу бегал, а во рту и крошки хлеба не было. Завтра соберу дружину, покажешь.

Возвращаться домой вогулу было страшно. Кто знает, вдруг те мёртвые ждут его в лесу, прямо за частоколом? Скоро Килим уже крепко спал у князя, растянувшись на широкой лавке. И снился ему страшный мертвец с разбитой головой, который почему-то скакал за ним на скелете лошади, крича:

– Стой! Стой, Килим! Помоги... Помоги мне!!!

Глава III

Ранним утром князь в сопровождении десятка дружинников отправился в тайгу. По приказу Михаила все надели тяжёлые кольчуги и шлемы, на поясах блестели рукояти мечей. Опасная жизнь в северных лесах приучила князя не рисковать понапрасну и беречь каждого воина. Килим бежал впереди отряда, указывая дорогу. Идти вместе со здоровенными ратниками в полном вооружении охотнику было непривычно, поэтому он рыскал впереди, забегая то влево, то вправо, внимательно прислушиваясь. Молодой вогул знал, что русские не умеют слышать лес, как его народ, и он раньше других способен заметить опасность. К тому же хотелось показать, какой он хороший охотник и воин. Доброе слово старшего друга была для парнишки дорожке всего на свете. Случись Михаилу похвалить вогула, тот всегда улыбался, краснел и скромно опускал взор к земле.

Князь любил бывать в лесу. Хотя в Чердыни он жил с детства, тайга до сих пор казалась ему сказочным местом. Она была тем самым лесом, где живёт Баба-Яга в домике на курьих ножках, где в чаще можно встретить лешего, а на ветвях деревьев лежат прекрасные русалки... Здесь даже дышалось иначе, чем в городе. Чувствовалось, что это совсем другой мир со своими законами, своей древней силой. А человек был здесь только гостем, за которым внимательно наблюдали хозяева – не замыслил ли чего недоброго? Но всё же лес был хорошим местом. Михаил до сих пор помнил свою первую прогулку здесь в одиночестве. Как он останавливался, слушая непривычные звуки: шелест листвы, свист ветер в древесных кронах, пение птиц... Этот мир был древним и вечно юным, он не знал перемен, был таким всегда. Князь помнил, как вышел к древнему, заросшему мхом пню, стоящему тут с незапамятных времён. И что-то в глубине души подсказало Михаилу обнять его, прилечь и отпустить мысли. Неизвестно, сколько он пролежал так, но вдруг почувствовал себя удивительно хорошо. Он был на своём месте, дома. Лес понял, что это за человек, принял его, позволил напитаться своей древней силой. Усталость, дурные мысли ушли без следа. И всю следующую неделю Михаил чувствовал себя как заново родившимся, очищенным от всего плохого. С тех пор он часто уходил в лес под любым предлогом, стараясь никого не брать с собой. Оно и верно, не поняли бы храбрые дружинники, для чего князь стоит, обнявшись со старым, поросшим мхом ясенем. Стоит подолгу, не спеша никуда уходить. А то и просто лежит, раскинув руки, в мягком лесном мху и наслаждается неведомо чем. Верно, решили бы, что умом скорбен князюшка. Это было его тайной, в которую Михаил никого не спешил посвящать, кроме друга Килима. Странно, но тот сразу всё понял, сказал:

– Хорошо это, княже... Значит, принял тебя лес. Теперь всегда силой напитает, укроет, защитит. Наш ты человек, лесной. Хоть и русский.

Небо быстро затягивалось тяжёлыми свинцовыми тучами. Ратники удивлялись местной погоде: только что сияло солнце, на небе не было ни облачка. А сейчас, похоже, надвигалась буря...

– Далеко ещё идти, Климка? – спросил князь, увидев мелькнувшую в лесу куртку из волчьего меха.

– Не близко, княже. – ответил охотник. – Ночевать придётся. А завтра дойдём.

Оно и верно, подумал Михаил, пора на привал. Вон какие тучи ходят, аж темно стало. Того и гляди, ливень начнётся.

Вскоре отряд остановился, воины скинули мешки и начали разводить костёр. Килим подошёл к князю, вид у него был встревоженный.

– Что-то недоброе чую, княже. Не замечаешь? Тихо уж очень...

На душе у Михаила тоже было беспокойно. Лес и правда как будто замолчал и смотрел на них в ожидании: что же будет дальше? Лишь изредка тишину нарушали протяжные стоны

гагар, то и дело доносившиеся из самой чащи. Эти звуки всегда пугали вогулов: ведь стоило завывать одной, как её крик подхватывали другие и жуткое пение навевало ощущение близкой беды. Суеверные лесные жители считали, что в образе этих птиц являются злобные шайтаны, пришедшие чтобы забрать человеческую душу. Дружинникам сегодня тоже было не по себе. Они угрюмо переглядывались, лица заливала смертельная бледность. Некоторые незаметно крестились, шепча молитвы.

Между тем, начал подниматься ветер. Закачались, протяжно скрипя стволы высоких деревьев. Раздались первые раскаты грома, они становились всё ближе и сильнее. Но дождя всё не было. Странная это была буря, русским ратникам никогда раньше не случалось видеть такой. Раскаты грома оглушали, заставляли в страхе пригнуться. Уж не древние ли боги гневались на них? Невыносимо яркие молнии били так часто, что казалось, будто всё небо пылает в огне. Ветер пронзительно завывал в верхушках деревьев, и в шуме его дружинникам чудились нечеловеческие крики. Самым удивительным и пугающим было то, что с неба не упало ни единой капли дождя. Михаил заметил, что некоторые из его людей тихо молятся, держа в ладонях нательные кресты, а иные достают языческие обереги. Князю это было знакомо. Нередко русские люди, селясь в здешних местах, незаметно отходили от православной веры. Видимо, чувствовали в глубине души, что тайга это совсем иной мир и законы у него другие. И приходили в голову крамольные мысли: „А сможет ли привычный русский крест защитить их в местах, где с древних времён укоренились лесные боги и демоны?“ Конечно, князю следовало бы пресекать подобные вещи, грозить карами за отступничество. Но Михаил закрывал на это глаза: пускай хоть пням лесным молятся, лишь бы жили по правде. Чувствовал он, что нельзя неволить людей, заставлять в Бога верить. Просвещать, рассказывать – хорошо, но приходить к Богу человек должен сам, когда душа попросит. Из-за подобных мыслей Михаила здорово недолюбливал чердынский архимандрит Амвросий. Тот был настоящим фанатиком, не привыкшим думать в вопросах веры. За него давно уже всё решили отцы церкви. Не раз священник с князем, будучи наедине, вступали в богословские споры. Так было до тех пор, пока Михаил не приметил, что часто стали приходиться гневные письма грозного царя. Тогда князь махнул рукой на Амвросия и молча остался при своём мнении.

К утру буря начала стихать. Дружина забылась тяжёлым, беспокойным сном. Михаил тоже спал плохо, мерещилась жуть, нечисть лесная. Кто-то преследовал князя во сне, гнался за ним, ломая кусты и сворачивая деревья на пути. Дикая крики раздавались на странно знакомом языке, но разобрать ничего было нельзя. И не было сил обернуться, встретить опасность с мечом в руке. Слишком велик был ужас, исходящий от преследователя.

Проснувшиеся воины были бледными, ели в молчании, каждый был погружён в свои невесёлые мысли. А может вспоминал то, что привиделось этой странной ночью... Даже Килим, против обыкновения, был тих, не смеялся, не лез к князю с вопросами.

Наконец, отряд молча тронулся в путь. Молодой вогул по-прежнему бежал впереди, но Михаил заметил, что он старался не отрываться, всегда держался на виду. После полудня Килим пошёл шагом, часто прислушиваясь, нюхая воздух. Его напряжение незаметно передавалось остальным ратникам, руки их то и дело ложились на рукояти мечей. Внезапно вогул встал как вкопанный и взмахнул рукой, призывая всех остановиться. Минуту они стояли молча, стараясь понять, что же насторожило молодого охотника?

Как вдруг что-то просвистело в воздухе и с тяжёлым гулом воткнулось в дерево, в двух шагах от Михаила. Это была знакомая всем стрела с железным наконечником и опереньем из перьев лесных птиц. Ратники замерли. Все знали, что означает этот воинский знак вогулов: „Ни шагу больше! Иначе – смерть.“

Кто-то медленно потянул меч из ножен, Михаил дал знак остановиться. Неясно было, сколько лесных жителей их окружает, и какие у них намерения. Князь хорошо знал здешние земли и понимал, что они не могли забрести в места запретные для русских. Те самые, где

проводились важнейшие обряды, и таинственные лесные шаманы общались с богами, узнавали их волю. Молодой вогул никогда не повёл бы их в такое место, зная, что иноземца там ждёт смерть.

Килим что-то прокричал на своём языке. Михаил понимал с трудом. Кажется, говорил, что они пришли с миром и просил дать дорогу. Через некоторое время из чащи послышался резкий голос. Самих вогулов по-прежнему не было видно. Килим обернулся к князю, лицо его было бледным.

– Здесь шаман Сотамын с лучшими воинами. Они пришли чтобы провести обряд и говорят, чтобы русские уходили.

– Сотамын? Я знаю его. Скажи, что князь Михаил пришёл говорить с ним о погибших русских людях.

Килим прокричал ответ. Минуту стояла тишина, наконец тот же голос ответил из леса, уже спокойнее.

– Они говорят, что в лесу поселилась смерть. Боги защитят лесной народ, но русские погибнут, если не уйдут.

– Скажи, что князь не уйдёт, пока не увидит убитых. И это его последнее слово.

Килим прокричал и снова повисла тишина. Михаил думал о шамане Сотамыне. Да, они были знакомы. Старик уважал прямого и честного князя, желающего жить в мире с лесным народом. Михаилу даже случалось бывать в его жилище и подолгу разговаривать. Шаман хорошо знал русский язык и был умён, не боялся всего чужеземного. С интересом разглядывал оружие и доспехи князя, расспрашивал о том, как это сделано. Интересовался, как живут на Руси и почему царь Иван сам не приедет поговорить с вогульскими князьями. Глядишь и договорились бы, перестали проливать друг другу кровь. Шаман не понимал, зачем русские притесняют его народ. Места в лесу всем достаточно, пушного зверя, если он так нужен чужеземцам, на всех хватит. Хотят добывать жёлтый металл, пускай добывают, кто ж против? Но зачем прогонять вогулов из мест, где всегда жили их предки. Как будто места им для жилья не хватает. Тяжело было Михаилу объяснять вещи, понятные всякому русскому. И стыдно говорить, что царю нужны богатства, и не сколько-то, а все, что есть в здешних землях. Казалось, что шаман и сам всё понимал, неодобрительно качал головой и начинал говорить о другом.

Князь, в свою очередь, расспрашивал о лесном народе. Кто они такие? Откуда пришли в здешние земли? Сотамын передавал слова старых людей, ничего не скрывая. В истории вогулов было много белых пятен – лесные жители не имели летописей, легенды передавались на словах от отца к сыну. Но всё же старики помнили о своих корнях. Со слов шамана выходило, что прежде они были могучим племенем, живущим на юге, далеко отсюда. В те времена вогулы много воевали и вели торговлю со всем светом. Чтобы развеять недоверие Михаила, лесной колдун показывал ему древние чаши и блюда искусной работы, сделанные из чистого серебра. На них были изображены неведомые звери, воины на колесницах, облачённые в необычные доспехи... Что за мастера создавали такую красоту? Подобное князь видел лишь в Москве, среди царских сокровищ, привезённых из далёких восточных стран. С интересом разглядывая дивные вещи, он просил говорить ещё. Сотамын поведал, как однажды другой народ нанёс им тяжёлое поражение, едва не истребив всё племя. Тогда уцелевшим пришлось уходить в тёмные леса и идти очень долго, дабы оторваться от преследователей. Спасшись, вогулы решили переждать время, пока не минует опасность. Построили жилища, научились приручать диких оленей, стали охотиться. Чувствуя себя в безопасности, так и остались в лесу насовсем. Михаил, затаив дыхание, слушал эту невероятную историю. Едва ли кто-то из русских ранее знал о подобном.

– Только, думаю, напрасно наши предки здесь остались. – с грустью закончил Сотамын. – Люди быстро всё забывают. Не помнят старых ремёсел, разучились делать крепкое оружие и доспехи. Живут, как лесные звери. Чует моё сердце, добром это не кончится.

Расстались они если не друзьями, то не врагами точно. Михаил даже пригласил старика побывать в Чердыни. Тот кивнул с еле заметной усмешкой, и понял князь, что Сотамын оценил его добрую волю. Но не бывать тому.

После долгого ожидания, из леса снова раздался голос и лицо Килима посветлело.

– Всё хорошо, князь. Можем идти. Шаман будет говорить с тобой.

Дружинники незаметно вздыхали с облегчением. Понимали, что случись вогулам напасть, едва ли помогут крепкие доспехи. Давно прошло то время, когда лесные воины в страхе отступали перед неуязвимыми русскими, которых не брали стрелы, копья и топоры. Вогулы хорошо изучили вражеские доспехи. Поняли, что хотя кольчугу пробить и сложно, но если бить в лицо и шею, русский ратник так же уязвим, как любой из них. Стальные шлемы пусть и хороши от стрел, но от мощного удара топором не защитят. Да и вообще, если знать уязвимые места и бить в них – не так уж страшен таинственный русский, как казалось вначале.

Отряд двинулся дальше, и вскоре все увидели притаившихся среди деревьев людей в звериных шкурах. Их было не больше дюжины, но Михаил понимал, что ещё столько же скрывается в кустах и на деревьях, держат их на прицеле, опасаясь предательства. Лица вогулов выражали предельное напряжение, казалось, один неловкий шаг, и острые стрелы сорвутся с тетивы, пронзая храбрых дружинников.

Глава IV

Чопырр сладко потянулась, кутаясь в тёплую оленью шкуру. Чувал давно уже погас, в юрте повеяло осенним холодком. Вставать не хотелось. Не хотелось тревожить пушистого белого кота, с царственным видом возлежавшего у неё в ногах. Одним богам ведомо, что заставило такого красавца сбежать из русского селения и прийти к ней, лесной ведьме. Сперва Чопырр шикнула было на него, чтобы убирался подальше вместе со своими хозяевами. Но кот только взглянул на неё с гневным изумлением: „Как, ты посмела сказать это мне?“ – и важно прошествовал в юрту. С тех пор он так и поселился у ведьмы. Приходил и уходил, когда вздумается, иногда позволял себя погладить, если было настроение. Когда было скучно или хотелось есть, требовательно царапал Чопырр когтистой лапой, обращая на себя внимание. Словом, чувствовал себя полноправным хозяином в доме. Колдунья очень полюбила нового друга. Какое, оказывается, это было наслаждение, заботиться о ком-то и знать, что дома тебя ждут.

В свои тридцать лет Чопырр выглядела юной девушкой и была по-своему красива. Её длинные волосы были чернее вороньего крыла, стройная фигура оставалась предметом зависти более юных красоток. А яркие, строгие глаза нельзя было забыть никому, кто хоть раз взглянул в них. Говорили, что в её глазах живёт колдовство, способное приворожить и свести с ума любого. Несмотря на это, лесная шаманка так и не обзавелась спутником жизни, как остальные девушки в её возрасте. Хотя не раз Чопырр ловила восхищённые взгляды молодых охотников-вогулов, стоило ей ответить пронзительным взглядом сверкающих синих глаз, как те роняли взор и вспоминали, что у них много срочных, неотложных дел.

Причина крылась в том, что лесная красавица была ведьмой. И не просто ведьмой, а сильнейшей колдуньей своего народа. Даже опытные, битые жизнью шаманы старались без нужды не переходить ей дорогу. Чопырр нравилось жить одной. Сперва её жилище стояло на окраине пауля, а потом ведьма и вовсе попросила охотников построить ей новую юрту, в стороне от посёлка. Надоело каждый день видеть испуганные глаза и, против воли, читать немудрёные мысли лесных жителей.

Вогулы были не нужны колдунье, ведь у неё был собственный удивительный мир, наполненный магией и чудесами. Чего только не видела шаманка, уносясь в иные места под стук бубна! Лесные духи говорили с ней, рассказывали о себе, открывали будущее, предупреждали об опасностях. Души ушедших колдунов и героев вещали о былых временах, великих победах и невиданных горестях. Мудрость многих поколений предков перетекала к молодой колдунье, а вместе с тем и великие знания, делавшие её сильнее с каждым днём. Чопырр знала, как использовать энергию стихий, как призывать на помощь лесных духов, умела создавать амулеты невиданной силы, способные защитить человека от многих напастей. Вогулы часто обращались к ведьме с просьбами: просили помощи на охоте, защиты от лютых зверей и не менее лютых иноземцев. Она никому не отказывала. Платы за чудеса не просила – ей ничего не было нужно. Принимала только свежую дичь к своему столу, да редкие травы, когда самой было недосуг их собирать. Лесные люди ценили и уважали ведьму, хотя и опасались её растущей силы. Увиденные чудеса вызывали у вогулов священный трепет, какой они испытывали лишь перед своими богами. Колдунья умела прогонять неведомые болезни, исцелять тяжело раненых, направлять лесного зверя в охотничьи ловушки. А когда с севера явились неведомые чудовища, похожие на крупных белых волков с длинными когтистыми лапами, ведьме хватило одного заклинания, чтобы навсегда изгнать их. Этим она окончательно заслужила славу сильнейшей колдуньи лесного народа.

Сегодня шаманку ждал непростой день. Чопырр долго гадала вчера, прося богов приоткрыть завесу над будущим, и могучие владыки леса дали свой ответ. Предстояли две встречи, и обе были не очень приятными. Первая должна была случиться совсем скоро. Колдунья вышла

из чума, едва не запнувшись за кота, по привычке растянувшегося на пороге. Он всегда делал так, когда не хотел отпускать хозяйку. Выйдя наружу, Чопырр не спеша начала разводить костёр, не зная, чем ещё скоротать время. Она чувствовала, что незваные гости уже близко.

„Гости“ и впрямь были неподалёку. Полдюжины крепких, бородатых мужиков в стёганых тегиляях³ крались по кустам, приближаясь к жилищу ведьмы. Старшего из них, здорового рыжебородого детину с пудовыми кулачищами и опухшей от пьянства рожей, звали Евдокимом. Удачливый разбойник с большой дороги много лет бродил по Руси, творя свой недобрый промысел там, где придётся. Подолгу старался нигде не задерживаться: уходил до того, как местные стражники начинали на него охоту. Как многие другие, Евдоким наслушался историй о богатых северных землях и непуганом лесном народе. Подумав, он собрал небольшую ватагу из такого же отребья и отправился в тайгу за золотом. Ходили слухи, что в лесах это золото валялось прямо на земле, да и намыть его в северных реках ничего не стоило. А повезёт, можно у местного народа отобрать или украсть. Благо те не шибко берегут золото, не понимая его цены. Но вместо богатства Евдоким нашёл голодную жизнь, тучи комаров и зуботычины от чердынской стражи. Попытка ограбить местных дикарей и вовсе обернулась катастрофой: лесные воины не думали бояться лихих людей, а попросту расстреляли всю ватагу, попытавшую напасть на небольшой пауль. Сам атаман чудом скрылся, спасли быстрые ноги и разбойничье чутьё на опасность. Отсидевшись в Чердыни и потратив в кабаке последние гроши, мужик вконец закручинился. Начал было собираться обратно на Русь, да вот улыбнулось под конец счастье! Обмолвился на проповеди отец Амвросий, что живёт в лесу богомерзкая ведьма, пакость рода человеческого. И хранит та ведьма невиданные сокровища, веками накопленные лесным народом. Поговорив с отцом с глазу на глаз, Евдоким решил собрать новую ватагу и любой ценой добыть богатства. А добыв, отдать их в церковь, на божьи нужды. Конечно, после того, как получит от Амвросия столько денег, чтобы до конца жизни пить-гулять хватило. Достал для них Амвросий одежду крепкую и оружие, стал ждать-поджидать добрых вестей. Был у преподобного свой расчёт: сокровища разбойники, конечно, не добудут. А вот ведьму, нечисть безбожную, изведут непременно.

Когда ватага выпита из леса, ведьма, против ожидания, даже не вздрогнула. С недоброй усмешкой смотрела она в скалящиеся рожи.

– Ну здравствуй, красна девица! – начал Евдоким. – Принимай добрых молодцев. Будем любить тебя, холить и лелеять. Только сперва ты нам тайну одну откроешь.

Разбойники довольно ухмылялись. Красивая девушка одна в глухом лесу – такой удачи им давно не подворачивалось. Глаза негодяев разгорались при мыслях о том, что они собирались с ней сделать.

– Здравия вам не пожелаю, добрые молодцы. Всё одно не поможет уже. Стоило ли за смертью так далеко ходить? Она бы и дома вас нашла. – не отрывая глаз от лица атамана, ответила Чопырр.

– Ишь какая! – усмехнулся Евдоким. – Пугать нас вздумала, ворона лесная. А ну живо рассказывай, где ваше золото спрятано! А не то мы из тебя всю душу вытрясем!

– Вам бы о своих душах подумать, глупцы. – беззлобно промолвила Чопырр. – А впрочем, поздно уже. Пора в дорогу.

– Ты что несёшь, ведьма проклятая! – прорычал было Евдоким. Закончить он не смог – что-то с воем пронеслось по воздуху и вонзилось ему прямо в глотку, выбив передние зубы. Остальные разбойники выхватили сабли и бросились врассыпную. На лицах их было недоумение и страх. Откуда взялись враги? Только что вокруг было тихо, как в могиле. Ватага попыталась рассеяться в лесу, но было уже поздно – стрелы летели со всех сторон, укрыться от них было негде. На поляну вылетали разъярённые вогулы с дико оскаленными зубами, рубили

³ Тегиляй – дешёвый русский доспех из сукна, подбитого хлопчатой бумагой или пенькой, простёганный насквозь.

опешивших разбойников топорами, как будто разделявали звериные туши. Двое уцелевших русских отчаянно сражались спиной к спине. Их сабли быстро мелькали в воздухе, не давая лесным воинам приблизиться. Наконец, одна из сабель переломилась от удара топора и разбойник остался без оружия. Через минуту всё было кончено.

– Ты не ранена, всевидящая? – с беспокойством спросил крупный воин с жутким шрамом на лице, явно оставленным медвежьей лапой.

– Конечно, нет. Разве могло быть иначе? – широко улыбнулась ведьма.

– Ну... Мы пойдём тогда? Скоро охота... – Неловко спросил молодой вогул.

– Ступайте. За амулетом придёшь, как взойдёт новая луна. – сказала Чопырр и ушла, не оборачиваясь.

Вернувшись домой, шаманка легла на шкуры, взяла на руки кота и постаралась расслабиться. Нужно было успеть отдохнуть и собраться с мыслями – предстоящая встреча тревожила её куда больше первой.

Шаман Сотамын, как всегда, подошёл незаметно. Не мог старик побороть охотничью привычку ходить так, чтобы ни люди, ни звери его не слышали. Хотя теперь и не было в этом нужды: на охоте Сотамын не был уже два десятка лет. Вежливо постучавшись, он не спеша вошёл в юрту.

– Здравствуй, Чопырр. – сказал шаман, поклонившись.

Позволишь ли старику обогреться у твоего чувала⁴?

– Я всегда рада тебе, Сотамын. – с улыбкой ответила ведьма. – И не зови себя стариком. Я то знаю, что ты ещё куда крепче молодых.

– Так ли уж важна сила? – спросил шаман, присаживаясь.

Порой нам не хватает не силы, а мудрости, чтобы не совершить непоправимого.

Чопырр промолчала, понимая, куда тот клонит. Кот с любопытством обнюхивал одежду старика. Решив, что ничего дурного в госте нет, он начал тереться об одежду шамана, прося погладить.

– Я знаю, зачем ты пришёл, Сотамын. Но ничего не изменится. Русские должны уйти с наших земель, им здесь не место. Я видела будущее. Если их не остановить, нам самим со временем придётся уходить.

– Но не все русские так плохи, Чопырр. Я говорил с ними. Некоторые из них мудры и ищут мира с нашим народом. Мы можем жить рядом и учиться друг у друга. Они пришли из другого мира и знают такое, о чём не ведали даже наши предки! Нам нужны их знания, чтобы выжить. Никто об этом не говорит, но ты знаешь, что лесных людей становится меньше с каждым годом.

– Эти знания чужие нам, Сотамын. Они не сделают лесной народ лучше. Я видела будущее. Мы познаем не мудрость русских, а их пороки. Их болезни будут выкашивать наш род. Их слабости перейдут к нам, и станут нашей погибелью. Нет, шаман! Всё уже решено. Последнее Оружие явилось миру. Русские умрут. Скоро Чердынь падёт и их не останется совсем.

– А что будет потом с нами? Сможешь ли ты остановить Охоту, или её добычей станут все вогулы?

– Охота забирает только недостойных, Сотамын.

– Но губит всех, кто встанет у неё на пути. Тебя, меня, весь наш род.

– Мои силы растут, шаман. Когда придёт время, я смогу это остановить.

– А если нет? Если будет уже поздно? Мы слишком мало знаем об этой древней силе, чтобы решиться на такое...

– Довольно, старик! – глаза шаманки сверкнули гневом. – Я устала от твоей трусости и мягкосердечия! Охота начата и закончится лишь тогда, когда я повелю!

⁴ Чувал – очаг внутри жилища вогулов.

– Тогда я сам её остановлю! – в голосе шамана прорезался металл. – Ты безумна и не ведаешь, что творишь! Вместо спасения, ты принесёшь смерть лесному народу!

– Что ж, попробуй остановить. Пусть боги нас рассудят. А теперь уходи, Сотамын. Я не хочу, чтобы мы расстались врагами.

– Прощай, Чопырр. Я тоже иногда вижу будущее. Ты видела всего тридцать лет, а уже научилась ненавидеть. Придёт время, ты научишься и любить. И тогда сама пожалеешь о содеянном. Лишь бы не было слишком поздно...

Шаман ушёл, поклонившись на прощание. Чопырр легла, закутавшись в шкуры и обняла кота. Губы её дрожали, на глазах блестели слёзы. Сейчас, когда никто не видел, она была больше похожа не на могучую лесную ведьму, а на простую девчонку, которую незаслуженно обидели. Шаман был не прав, она умеет любить. Любит Сотамына как родного отца: на всю жизнь запомнились ведьме доброе лицо и крепкие руки окровавленного воина, уносившего плачущую малютку из охваченного огнём пауля...

Глава V

Русские, опасливо оглядываясь, вошли в небольшой лагерь вогулов, состоящий из нескольких чумов, едва заметных среди пожелтевшей листвы. На поляне виднелись следы недавно горевшего костра, трава вблизи пепелища была красной от крови. Дружинники невольно вздрагивали, видя следы жертвоприношения. Чья жизнь оборвалась недавно в лесной чаще? Уж не человеческая ли? Им не суждено было узнать об этом.

Осмотрев место ночной трагедии, предводители отрядов ушли беседовать в просторный чум шамана. Воины, не зная чем себя занять, с любопытством разглядывали друг друга. Не часто удавалось вот так вблизи посмотреть на чужаков, разве что на поле брани. До чего же они казались непохожими! Люди Сотамына были невысокими и кряжистыми. Благодаря смуглой коже и по-восточному раскосым глазам они немного напоминали татар. Тёмные, курчавые волосы жителей тайги порой украшали разноцветные нити и медные побрякушки. Вся одежда и снаряжение их были дарами леса. Куртки-волчёвки, олени штаны, тёплая обувь на зверином меху делали и самих воинов похожими на диких животных. Острый взгляд, грация рыси и крепкие мускулы выдавали в воинах-зверях опасных хищников. Каждый из них был вооружён коротким тугим луком. Из колчанов за плечами виднелись стрелы, некоторые весьма причудливой формы. Дополняли снаряжение небольшие топоры, явно удобные для метания, и крепкие копьё с железными наконечниками. На поясе у каждого висел длинный нож с костяной или деревянной рукоятью.

Словом, вид у лесных жителей был очень воинственным. Но в их тёмных внимательных глазах не читалось вызова, как это порой бывало у заносчивых татар. Напротив, они с дружелюбным любопытством разглядывали удивительных ратников, закованных в железо. Некоторые явно были не прочь подойти и поговорить, но природная скромность не позволяла им сделать этого.

„Как же мирные вогулы не похожи на вогулов в бою“ – размышлял Олег, десятник Михаила. Не верилось, эти что застенчивые лесные люди могли становиться неистовыми, одержимыми войной бойцами, не страшась ни боли, ни ран.

Русские, не менее храбрые в бою, в остальном были совершенно иными. Они не носили длинных волос, зато лица многих украшали усы и густые бороды; кожа дружинников была гораздо светлее. Одежда их тоже выглядела иначе. Стальные шлемы с бармицами⁵, защищающими шею и плечи, кольчуги двойного плетения резко отличались от убранства лесных воинов. Круглые тяжёлые щиты со стальными полосами казались тем и вовсе чем-то невиданным. Мечи и кривые сабли были более привычны вогулам, такое оружие они не раз встречали в стычках с татарскими отрядами. Поглядывали русские недобро и с опаской – всё ещё ждали, не полетят ли из кустов странные воющие стрелы, ранее нигде ими невиданные. Только десятник был спокоен. По опыту он знал, что если вогулы не напали сразу, то вряд ли нападут и потом.

Помявшись, Олег подошёл к четвёрке лесных жителей, стоящих отдельно от остальных. Навстречу ему шагнул крепкий воин, лицом похожий на волка. Вогул вопросительно посмотрел на десятника, трое молодых охотников за его спиной настороженно замерли. Не придумав, что сказать, Олег коротко, но вежливо поклонился. Вогулы переглянулись между собой. Подумав, воин с волчьим лицом ответил на поклон. Охотники за его спиной тоже торопливо закивали.

– Меня зовут Олег, а тебя? – спросил десятник.

– Потыр. – ответил вогул, приложив ладонь к груди. Олег протянул ему руку. Воин отступил на полшага, с непониманием глядя десятнику в глаза.

⁵ Бармица – кольчужная сетка, прикреплённая к шлему сзади, для защиты шеи, затылка и плеч.

– Это русский обычай – пояснил тот. Мы жмём друг другу руки, чтобы показать, что не прячем оружие. Вогул не спеша, аккуратно пожал руку русскому, затем с удивлением посмотрел на свои пальцы. Внезапно широко улыбнулся, сразу перестав быть похожим на волка.

– Хороший у вас обычай, Олег! Мне нравится.

После этого он что-то сказал молодым охотникам. Те тоже стали по очереди подходить к десятнику и опасливо здороваться.

– Скажи, Потыр... – начал Олег, поздоровавшись со всеми. – А почему у тебя в колчане стрелы разные? Никогда таких не видал.

Вогул удивился вопросу. Сняв колчан, он начал показывать стрелы. Объяснил, какая лучше бьёт рыбу, какая для зверя лесного, а какая... для защиты, осторожно закончил он.

Олег с удивлением брал в руки необычные зазубренные стрелы. Некоторые из них походили на вилки, другие были в виде ножа – для зверя, третьи с зубцами – для рыбы, которую тоже стреляли вогулы. Две были и вовсе диковинными – с железным шаром вместо наконечника. Потыр объяснил, что такой стрелой можно сбить с дерева белку, не портя её шкурку. Прочие дружинники, заинтересовавшись разговором, подошли тоже, стали разглядывать непривычное оружие. Тогда один из вогулов помоложе спросил:

– А можно посмотреть это? – он указал на большой круглый щит Олега. Десятник кивнул, улыбаясь. Щит быстро пошёл по рукам. Вогулы с удивлением разглядывали его, как дети необычную игрушку. Кто-то попробовал постучать по щиту, как по шаманскому бубну. Услышав знакомый звук, он начал изображать шаманский танец с бубном, ритмично постукивая. Русские ратники грохнули со смеха.

– А десятник-то у нас, шаман, оказывается! – Смеялись они. – вот зачем свой щит в походы носит! Вогулы, глядя на русских, тоже заулыбались.

После этого стена отчуждения между воинами рухнула. Все наперебой начали расспрашивать друг друга, рассматривать одежду и оружие. Объяснялись где словом, где жестом. При этом подняли такой шум, что Михаил и Сотамын настороженно выглянули из чума: не случилось ли беды? Каково же было их удивление, когда они увидели русских и вогулов, наперебой здоровающихся и весело болтающих друг с другом. Олег и вовсе учился стрелять из вогульского лука, а Потыр терпеливо объяснял ему, почему стрела „поёт“, в полёте, показывал незаметные прорезы на острие. Подивившись, князь и шаман вернулись к своей невесёлой беседе.

– Я ждал тебя, Михаил. Садись, потолкуем. – сказал шаман, едва из-за откинутого полога показалась высокая фигура князя.

– Ждал меня? Но как ты узнал, что я приду? – удивился Михаил.

– Просто знал и всё. Не о том сейчас речь.

Князь с пониманием кивнул, удивляться тут было нечему. С детства общаясь с вогулами, он знал, что странный лесной народ обладает необычным свойством – умением видеть ближайшее будущее. Даром этим владело большинство вогулов, поэтому их трудно было удивить внезапным визитом. Чаще всего гостя с порога ждал тёплый приём, так как хозяева уже видели его приход во сне и с утра готовили угощение. Это же свойство помогало вогулам и на войне, врагам редко удавалось напасть врасплох. Чаще набегники сами попадали в засаду, устроенную лесными воинами.

Говорили Михаил и Сотамын вполголоса. Килим сидел возле входа, потупив глаза в пол. Чужая парнишка, что попадёт ему за то, что сразу к шаману не пришёл. Потому и сидел тихо, как мышь, делая вид будто и нет здесь его. Но князь знал, что смекалистый вогул внимательно вслушивался в каждое слово. Его живой ум рисовал красочные картины, стараясь понять, что же всё-таки произошло тогда в лесу...

– Когда, говоришь, ты первый раз увидел мёртвых? – спросил Килима шаман.

– Да недавно же! Два дня как. Когда ты к Чопырр пошёл, я на охоту собирался. А как выгнала она тебя, уже по лесу бежал... – начал было парнишка. Но старик вдруг так цыкнул на него, что Килим оборвал речь на полуслове.

– Ну что за дурень! – в сердцах воскликнул шаман. – Мало тебя били, всё одно дураком остался. Килим скромно потупился. Опять ругают... А за что? Он же правду сказал.

– Ладно. – кивнул шаман князю. – Про это после речь будет. Объясни, Михаил, что это за люди такие были? Почти все воины, а один уж больно человек непростой. Одет богато, да и денег у него ваших много было. Кто он? Уж не князь ли, вроде тебя?

– Не князь это. – огорчённо покачал головой Михаил. Царя грозного посланник. Шёл ко мне, в Чердынь. Указы важные нёс. Остальные – просто охрана.

– Это плохо. – сказал шаман. – Разгневется царь твой, коли узнает, что такого человека в лесу убили.

– Разгневется – мало сказано – ответил Михаил. – Как бы вовсе голову не снял. Давно он зуб точит на Чердынь-град. А на меня – особе.

– А много ли у него воинов? – поинтересовался шаман.

– Больше, чем людей в здешних лесах. Случись что, ни в жизнь мне не отбиться. – печально закончил Михаил. – Ты мне лучше вот что скажи, Сотамын... Знаешь ли, что с людьми царскими случиться могло? Ведь не вогулы их побили и не разбойники. Деньги в кошельках остались, и оружие дорогое не – Не знаю, как и сказать тебе, княже, чтоб поверил. Человек ты умный, знаешь много, но об ужасах старых времён, верно не слыхивал.

– Всякое я слышал, Сотамын. Но царские посланники не были разорваны чудовищами, их сразило людское оружие.

– Создания тьмы тоже носят оружие, Михаил. Тот, кто убил русских, говорят, тоже был когда-то человеком. Но теперь это ночной шайтан⁶, убийца, не знающий жалости. Пришёл он из далёких северных земель в те годы, когда и деда моего на свете не было.

– Дивные вещи ты говоришь, шаман. – поразился Михаил. – Кому другому бы не поверил, а тебе верю. Скажи, что нужно этому чуду-юду? И как от него защититься?

⁶ Шайтан – бог, демон, дух у вогулов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.